

Жили они в Пермьяге. У девочки-поломашки левая рука в гипсе. Она проснулась на полу — как обычно:

— Мама! Мамик!

Поддавоха вошла и сразу:

— Встала и ушла!

Значит, ждёт кого-то...

Хорошо, что вода идет из крана на кухне!

Поломашка помыла морковку — с вечера приготовила. Во дворе «травмы» есть грядки с овощами. Конечно, это вам не бананы... Во двор иногда выходит пацан-бананоед — его отец из командировки привозит колбасу и фрукты! В Пермьяге же нет ничего...

Ещё голуби добрые: улетають и оставляют ей немного крошек.

Поддавоха прошла мимо дочери:

— Гнида, скучняк с морды согнала!

— Зачем так грубо? — удивилась дворничиха.

— Гнидам — гнидово, — бросала Поддавоха.

Скучняк не сгонялся, потому что Костяно во дворе назвал Поломашку... обозвал... И стали все чморить:

— Девчонка-старушонка!

Пенсионерки сразу: будьте вежливы — вы же дети...

Дети изо всех сил толкали друг друга и кричали:

— Ты чо такой невежливый? — И кланялись в пояс дворничихе. — Метлой его, метлой!

Кривлялись, падали в обморок. Полный двор был талантов!

Подразнили, а потом все вместе побежали гнать крысу.

— Ведь правильно «грыза»? Она всё грызет! — сказала она Костяну, чтобы уважал.

Проехала машина, и он закричал:

— Это я веду машину — зуб даю!

— А я ветер. Я гоню твою машину, и она идет быстрее.

— Моя рука управляет машиной, а рука — управляет мозгом.

Дворничиха — поблизости:

— Бог всем управляет.

Бог управляет, а «нямку» Поломашке не даёт. И она ослабела от сытости, которая стояла вокруг в воздухе, но в неё не попадала.

Привезли и разгрузили хлеб в булочной. Прямо в ноздри лез запах вкусный. Вдруг одна мысль клюнула в лоб: кто-то говорил, что из одуванчиков можно салат делать.

Сорвала одуван, откусила и выплюнула:

— Горько — мамой клянусь.

Во двор вышел Бананоед с бананом — дал всем откусить.

— Мерсибочки! — Поломашка отошла и замерла, чтобы прочувствовать вкус сказки (вырасту — буду есть бананы).

Она вспомнила про лужу, которая вся в облаках. Плот получился из доски. Задержала дыхание: мир изменился — это будто вокруг малинник, а там ягоды! Затем тихо ночью пробралась в магазин, а там колбаса! Она бы поделилась с сестрой, но ту увезли неизвестные. Они называли себя бабушка и дедушка, чтоб им сдохнуть. И как полоснёт Поломашка шестом по луже — всю колбасу смыло. Зато подплыла лягушачья икра — из неё уже выбирались головастики: блестящие, переливались в воде. И с ними хотелось уплыть куда-то в счастье...

В огороде закончилась морковь. Осталась капуста, а это такие головы, что не оторвёшь. Из «травмы» выходили покурить мужики, белея забинтованными кочанами. Поддавоха с ними часто курила и приводила по одному к себе.

Зимой во дворе выросла ледяная горка. Чем дальше катаешься — тем больше сил. Если все эти силы собрать и оттолкнуться в последний раз, то можно докатиться до сестры. Но становилось так больно, будто

не ела целый год. Три дня не ходила на горку. Сестра была... когда была рядом — одна такая в мире! Однажды выпросила малины — у бабки на углу!

— Баба Марта пришла — весну принесла, — объявила дворничиха.

И пошли шампиньоны. Все варили, и Поломашка варила. Место сестры занял щенок. Он крутил хвостом с репьями. Она старалась выбрать репьи, но у них была своя игра: цепляться и оставаться...

Потом мать исчезла. Все говорили: Бог так сделал — к лучшему, то есть к детскому дому. Поломашка старалась не выходить во двор. Хотела больше спать и видеть хлеб во сне... стала заговариваться — её уже звали Ненормашка.

— Бог сам не придёт, человека пошлёт, — сказала дворничиха.

Человек не приходил. А вышли два человека из булочной, то есть мы.

— Ваш Бананоед уже купил хлеб.

Мы переглянулись и позвали её на обед:

— Только без щенка — ты ему вынесешь косточку.

Когда мы очнулись, оказалось, что согласились в ответ на её слова: хочу у вас пожить.

Долго отмывали девочку в цинковой ванне, так устали, что не обратили внимания на её слова:

— Знаете, что самое страшное в мире? Родят ребенка, говорят «холёсенький-холёсенький», а потом: ты не нужен.

То есть обратили мало внимания — отвечали вроде того, что будь спокойна, мы никогда тебя, никогда...

Есть такой анекдот: полез Мичурин на вишню за яблоками, а его там арбузом прибило! Как раз про нас! Были мы в молодости такими мичуринцами: верили, что привьется «девочка из лужи» к нашему семейному дереву...

Нечто вроде полета в космос испытывали мы первые две-три недели: словно служили небу, звёздам, только звёзды внутри нас... то сияли, а то и кололи.

Дитя алкоголиков, она никак не могла, например, усвоить $4 \times 8 = 8$ — такой пример она не могла решить ни при какой по-

годе. Но я заменяла ей все иксы на конфеты. 4 конфеты стоят 8 копеек — она решала уже мгновенно.

Рисовать она любила, но только тучки-тучки... А всё-таки за шесть лет жизни у нас девочка так преуспела, что в 1984 году у неё была всесоюзная выставка в Тбилиси, в Доме детского творчества. Уже ожидалась поездка в Париж.

Она говорила про ирисы: барокко! А вместо «здоровски» — «очхор»...

Мы тогда выхлопотали ей комнату (картины, написанные маслом, долго сохнут, запах краски мешает, поэтому мы считали, что эта комната будет мастерской).

И сразу появилась родная тётя девочка — рыхлая, как переспелая груша:

— Твою ж дивизию! Джинсов нет у ребёнка!

В 1984 году джинсы были, как сейчас — «мерседес». Я не могла купить их...

Так наша любимица ушла к тётё!

Я заикалась: тётке нужна комната! А в ответ услышала:

— Жизнь-то проходит! Мы нашей кровинке джинсы купим!

Но не купили — тётке в самом деле нужна была только комната. А племянницу она сдала в детский дом.

Для нас это педагогическое поражение было шоком. Я как раз в 1984 году родила дочь, и у меня от переживаний пропало молоко... Любишь ведь того, в кого вкладываешься, а мы очень вкладывались! Очень. Исчезли её цыпки, вылечили её почки, вывели лишаи, вырезали аппендицит и так далее — тому подобное.

А ведь были случаи, что любовь наша ломалась, обламывалась! Когда девочка временно становилась опять Ненормашкой — склеивала альбомы по живописи и резала лучшие мои платья.

— Да, накосячила я! А мне так нра! Что — получили по самые гланды?! — отвечала она на все вопросы.

Но через день-два вдруг заплачет:

— Как болят старые копыта!

Идём к врачу, лечим её ноги, а она снова художница, опять сияет, ну а мы всё объ-

ясняем болезнью или генами, нервами или Бог знает чем...

Шли годы, мы пришли к вере, но рана не застала. Я тосковала уже не по приёмной дочке, а по её картинам (они остались в Тбилиси).

Я уже сама стала писать картины в наивном духе. А рана всё равно болела...

То есть когда я рыдала по случаю ухода приёмыша... это слово считается обидным, но раз дитя нас предало, я иногда использую. И вот я рыдаю, молоко пропало, новорождённая наша дочь захлебывается в плаче — от голода, и тогда муж как закричит:

— Бери краски и пиши картины!

Всегда краем сознания мы следили за судьбами приёмышей в других семьях, в других странах. Тоже там случалось много такого: предавали, сбегали, даже убивали иногда приёмных родителей.

И вот появилась статья в журнале, которую я проглотила — всосала, как материнское молоко! В США исследовали все случаи и пришли к выводу! Вывели детей-убийц — вывезли на одну ферму.

Оказывается, эти дети боялись атмосферы любви!

Родители-то предали... могут и приёмные выгнать вон! И они провоцировали — торопили разрыв! Наша-то что творила — склеивала альбомы, резала мои платья! А она ведь предупреждала — сразу, когда пришла!

— Родят ребеночка: холёсенький-холосенький, а потом — ты не нужен!

Но мы тогда не поняли, что это — основная проблема!

Мы все как: звёздочка, солнышко, котенок!

А ей страшно...

Американцы на ферму их вывезли — там нет атмосферы любви, а всё по делу: гимнастика, огород, уроки. И дети выправляются. Успокаиваются...

А я бегом к компьютеру и писать эти строки — без прикрас, лишь бы донести до приёмных родителей новую правду... правду о психологии этих несчастных детей!

Кривое дерево выросло — попробуй выпрямить, как говорила моя бабушка.

Но надо пробовать! Так и этак! Нельзя сдаваться нам.